

**Санкт-Петербургский государственный университет
Исторический факультет
Кафедра истории древней Греции и Рима
Центр антиковедения**

МНЕМОН

**Исследования и публикации по истории
античного мира
Под редакцией профессора Э.Д. Фролова**

Выпуск 8

**Санкт-Петербург
2009**

М.В. Белкин

Фульвия – фурия римской революции

Фульвия, жена народного трибуна Публия Клодия и триумвира Марка Антония, несомненно, является одной из самых ярких женщин Рима эпохи Поздней Республики. Она не просто олицетворяет собой век женской эмансипации, но и открывает целую плеяду выдающихся женщин Рима, игравших важную роль в политической жизни государства в период Империи. В течение двадцати лет Фульвия была в эпицентре многих политических событий, приведших к падению Республики¹.

О жизни и политической роли Фульвии нам известно достаточно много, но, реконструируя яркую биографию этой женщины, необходимо помнить одну важную деталь – большая часть информации о ней происходит, к сожалению, от двух ее злейших врагов – Цицерона и Октавиана Августа.

Принято считать², что активное участие в политической жизни Рима Фульвия стала играть только во время своего третьего

---

¹ Фульвии посвящена весьма обширная специальная литература: Munzer F. Fulvius // RE, Bd. VII, Stuttgart, 1912. Sp.281-284, Babcock C.L. The Early Career of Fulvia // AJPh, Vol. 86, 1965. P. 1-32, Delia D. Fulvia Reconsidered / Women's History and Ancient History. Ed. S.B.Pomeroy. London, 1991. P. 198-217, Welch K.E. Antony, Fulvia and the Ghost of Clodius in 47 B.C. // Greece and Rome. 1995, № 2. P. 182-201. См. также наши работы: Белкин М.В. 1) Язык Цицерона и шпильки Фульвии // Мнемон: исследования и публикации по истории античного мира. Вып. 5, СПб., 2006. С. 299-306, 2) Фульвия – матрона-воительница // История: мир прошлого в современном освещении. Сборник научных статей к 75-летию со дня рождения профессора Э.Д.Фролова. СПб., 2008. С. 274-281, 3) Фульвия: в начале пути // Мавродинские чтения. СПб., 2009.

² Munzer F. Fulvius... Sp. 281, Fortsch B. Die politische Rolle der Frau in der römischen Republik. Stuttgart, 1935. S. 108-109, Delia D. Fulvia Reconsidered... P. 199-207, иначе: Babcock C.L. The Early Career of Fulvia... P. 1-17.

замужества (за Марком Антонием), да и то не сразу, а лишь после убийства Цезаря 15 марта 44 г.³ Не ставя под сомнение в целом это утверждение, стоит обратить внимание на то, как происходило формирование характера Фульвии, ее политических взглядов и стремлений в 50-е гг.

Год рождения Фульвии неизвестен. Предполагают, что она была приблизительно на десять лет моложе своего первого мужа – Публия Клодия – и ровесницей последнего мужа – Марка Антония, т. е. родилась приблизительно в 83-82 гг.⁴ В ее жилах соединилась кровь знатных плебейских родов Фульвиев и Семпрониев Тудитанов, но ее отец – Марк Фульвий Бамбалион – не играл никакой заметной роли в римской политике. Ее звезда начала восходить тогда, когда она стала женой Публия Клодия Пульхра, плебейского трибуна 58 г. Произошло же это где-то между 62 и 58 г.⁵

Есть все основания предполагать, что брак был счастливым, а скорбь и безутешное горе Фульвии из-за гибели мужа в 52 г. вполне искренними (Ascon., Mil., 28). У Фульвии и Клодия было двое детей, сын (Cic., Att., XIV, 13a, 13b) и дочь (Suet., Aug., 62, Plut., Ant., 20). Супруги старались никогда не расставаться, Фульвия почти всегда сопровождала своего мужа в поездках. Вот почему Цицерон и Валерий Максим специально отмечают, что Клодий, вопреки обыкновению, отправился в свою последнюю поездку без жены (Cic., Mil, 28, 55; Val. Max., V, 5, 3). Очевидно, что и по темпераменту, и по образу жизни, и по воззрениям на жизнь Клодий и Фульвия были близки. Это подтверждается любопытным замечанием, сделанным Валерием Максимом: «Клодий Пульхр снискал славу у простонародья тем, что прицепил кинжал к столу Фульвии, тем самым поставив воинские отличия под власть женщины» (Val. Max., III, 5, 3). Друзья Клодия были друзьями Фульвии, кстати, среди них два ее следующих мужа – Гай Курион и Марк Антоний, а враги Клодия были ее врагами. Среди последних особое место занимал Цицерон. Оратор не стеснялся

³ Все годы до н.э.

⁴ Babcock C.L. The Early Career of Fulvia... P. 7, n. 14

⁵ Раннюю дату женитьбы Клодия на Фульвии отстаивают, например, Ч.Л. Бэбкок и Э.Г. Хьюзар: Babcock C.L. The Early Career of Fulvia... P. 8-9, 15, Huzar E.G. Mark Antony: A Biography. Mineapolis, 1978. P.26, позднюю дату брака Клодия и Фульвии принимает Ф. Мюнцер: Munzer F. Fulvius...Sp. 281.

в выражениях, будь то речи или письма, когда у него появилась возможность нападать на Клодия («разрушитель и поджигатель государства», «полоумный и неистовый человек», «дерзость закоренелого преступника», «бешенство Клодия» и т.п.). Правда, Цицерон ни разу не задевает жену Клодия. Более того, ни разу не называет Фульвию и не намекает на нее, кроме указаний на то, что Клодий везде возил жену с собой: «Клодий, ехавший налегке, верхом, а не в повозке... без жены, чего не бывало почти никогда» (Cic., Mil., 28). Пожалуй, показательный момент – Цицерон не видит никакой роли Фульвии в его противостоянии с Клодием. Ряд исследователей⁶ на этом основании отказывают Фульвии в каком бы то ни было влиянии на своего первого мужа, другие, напротив, считают Фульвию не только верной соратницей дела мужа, но и подстрекательницей его поступков⁷.

На наш взгляд, правильнее, конечно, говорить о влиянии Клодия на формирования характера, взглядов и манеры поведения Фульвии, а не наоборот. Но нельзя не признать и того, что исходный материал был очень подходящим. Не каждой жене римлянин мог прицепить кинжал так, чтобы это вызвало не ухмылки и насмешки, а восторг и одобрение у простонародья. Не зря Клодий и возил жену все время с собой, не просто из-за любви и из-за нежелания расставаться, но видя в ней родственную душу, подпитывая свою энергию ее энергией, а свои замыслы умножая на ее задумки. Да и Фульвии образ жизни мужа был близок, и, очевидно, что многому из того, что было характерно для нее в последующее десятилетие, она научилась в первом браке.

Еще одной проблемой, вызвавшей споры исследователей, стало реальное или мнимое богатство Фульвии. Ч.Л. Бэбкок доказывал, что определение Цицерона Фульвии как «богатой» (*locuples* – Cic., Phil., III, 16) имеет под собой веские основания⁸. Ему категорически возражает Д.Делия⁹. Отсутствие точных сведений о наследстве Фульвии, о формах ее браков не дает возможности прояснить ситуацию в этом вопросе. Вместе с тем безусловная лю-

⁶ Huzar E.G. Mark Antony... P. 26, Delia D. Fulvia Reconsidered... P. 197-199.

⁷ Babcock C.L. The Early Career of Fulvia... P. 2-14, Welch K.E. Antony, Fulvia and the Ghost of Clodius... P.187-188.

⁸ Babcock C.L. The Early Career of Fulvia... P. 4-5. Ему вторит Э.Г.Хьюз: Huzar E.G. Mark Antony... P. 70-71.

⁹ Delia D. Fulvia Reconsidered... P. 197-198.

бовь Фульвии к деньгам, финансовым махинациям, наживе, стремление обогатиться самой и обогатить любой ценой своего мужа, Марка Антония, когда у нее появились такие возможности (в 44 г.), скорее дает возможность предположить отсутствие богатства изначального, наследственного, тем более такого, какое могло обеспечить ей влияния на первых двух мужей.

В 52 г. в результате бандитской разборки Клодий был убит. По мнению Ч.Л. Бэбкока, тогда Фульвия впервые самостоятельно вышла на политическую сцену¹⁰. По сообщению Аскония Педиана, она показала тело убитого мужа с нанесенными ему ранами толпе, собравшейся около их дома на Палатине, сопровождая этот показ нескончаемыми воплями (*Ascon., Mil., 7*), а затем вместе с матерью присутствовала на суде над главным убийцей ее мужа Милоном и плачем своим потрясли присутствовавших (*Ibid., 28*). Трудно сказать, можно ли это рассматривать как какое-то проявление собственной политической позиции, желание продолжить дело мужа. Оба поступка могли быть обусловлены горем и желанием отомстить убийце мужа. Более того, как отметила С. Диксон, драматичные появления в суде родственников истцов, обвиняемых или пострадавших, совсем не были чем-то необычным в Риме¹¹.

В любом случае после смерти Клодия Фульвия очень быстро, в начале 51 или даже в конце 52 г., вторично выходит замуж (*Cic., Phil., II, 11*). На этот раз за Гая Куриона, соратника Цезаря, плебейского трибуна 50 г. Брак был скоротечным, так как в августе 49 г. Курион погиб. Однако и этот брак Фульвии не был бездетным – у них родился сын, получивший имя отца (*Dio., LI, 2, 5*). Больше ничего о совместной жизни Фульвии и Куриона нам неизвестно. Более того, после 49 г. Фульвия на несколько лет уходит в тень.

Новая по-настоящему яркая страница жизни Фульвии начинается в 47 (или 46 г.), когда она вступила в брак с Марком Антонием (*Cic., Phil., II, 77, Plut., Ant., 10*)¹².

¹⁰ Babcock C.L. *The Early Career of Fulvia...* P. 21.

¹¹ Dixon S. *A Family Business: Women's Role in Patronage and Politics at Rome, 80-44 B.C.* // *Classical and Medieval*, №34, 1983. P. 101.

¹² Babcock C.L. *The Early Career of Fulvia...* P.15, Huzar E.G. *Mark Antony: A Biography...* P.68, Roberts A. *Marc Antony: his Life and Times.* Worcestershire, 1988. P.83, Welch K.E. *Antony, Fulvia and the Ghost of Clodius...* P.194. Ф.Мюнцер относит брак Антония и Фульвии к 45 г.: *Munzer F. Fulvius...* Sp.281.

Фульвию и Антония несомненно связывала старая дружба, так как Антоний «был близким другом Клодия, был его факелом при всех поджогах, а в доме самого Клодия он уже тогда кое-что затеял», как говорит Цицерон, намекая на связь Антония с Фульвией задолго до их брака (Phil., II, 48). Чтобы вступить в брак с Фульвией, Антоний, по словам Цицерона, выгнал из дома свою жену, «подыскав и заранее найдя для себя другую женщину», то есть Фульвию (Cic., Phil., II, 99). Трудно сказать, много ли правды в словах Цицерона, но то, что Антоний и Фульвия были близко знакомы на протяжении многих лет, является бесспорным фактом. Их союз был, несомненно, браком по любви, не лишенным вместе с тем и расчета, особенно со стороны Фульвии. Их страсть и любовь друг к другу были видны всем. Не отрицал этого и Цицерон, рассказывая знаменитый анекдот о ночном визите Антония: «Быстро подъехав к Риму на тележке, он явился к себе домой, закутав себе голову. Привратник ему: “Ты кто?” – “Письмоносец от Марка”. Его тут же привели к той, ради кого он приехал, и он передал ей письмо. Когда она, плача, читала письмо (ибо содержание этого любовного послания было таково: у него-де впредь ничего не будет с актрисой, он-де отказался от любви к той и перенес всю свою любовь на эту женщину), когда она разрыдалась, этот сострадательный человек не выдержал, открыл лицо и бросился ей на шею... Дома у тебя было по крайней мере оправдание – любовь» (Cic., Phil., II, 77-78, Ср.: Plut., Ant., 10, 2).

Но этот брак, исходным моментом которого была любовь, счастливо сочетал в себе и дальновидный расчет, на что прозорливо указал Плутарх: «Сколько можно судить, Цезарь не остался равнодушен к безобразиям Антония и принудил его обуздать свое безрассудство и распутство. Расставшись с прежней жизнью, Антоний решил жениться и взял за себя Фульвию, вдову народного вожака Клодия, женщину, на уме у которой была не пряжа и не забота о доме – ей мало было держать в подчинении скромного и невидного супруга, но хотелось властвовать над властителем и начальствовать над начальником. Фульвия замечательно выучила Антония повиноваться женской воле и была бы вправе потребовать плату за эти уроки с Клеопатры, которая получила из ее рук Антония уже совсем смиренным и привыкшим слушаться женщин» (Plut., Ant., 10). Даже если Плутарх немного преувеличивает возможности Фульвии, очевидна ее немалая

роль в возвышении Антония¹³. Она обладала хорошим политическим кругозором, четко определяла, кто в каждый конкретный момент является главным врагом мужа, а кто может стать временным союзником.

Звездный час Фульвии наступил после смерти Цезаря, когда центром политической жизни Рима стал дом Марка Антония, где главную роль играла его жена. К сожалению, практически все, что мы знаем о деятельности Фульвии в 44-43 гг., происходит из одного источника, крайне субъективного и крайне враждебного – из речей и писем тех лет Цицерона¹⁴. Но если отбросить эмоции и риторический пафос Цицерона, можно восстановить некоторые важные факты.

Весной-летом 44 г. Фульвия активно занималась государственными делами, принимала прошения от подвластных Риму общин и царств, распределяла наместничества, раздавала царства, как выражается Цицерон, «устраивала аукцион провинций и царств» (Cic., Phil., V, 11), обеспечивала финансовое благополучие мужа.

В октябре 44 г. Антоний отправился в Брундизий к легионам, прибывшим из Македонии. Вместе с ним отправилась и Фульвия. По прибытии в Брундизий Антоний столкнулся с неповиновением легионов, но зачинщики мятежа, несколько десятков центурионов, были жестоко казнены. Рядом с мужем в эти непростые дни находилась верная жена. «В Брундизии на глазах у своей жены – женщины не только самой алчной, но и самой жестокой из всех – он зарезал лучших центурионов Марсова легиона», – сообщает нам Цицерон (Cic., Phil., XIII, 18) Не скупится оратор на детали, в описании кровавой расправы: «Ведь это он в гостеприимных домах Брундизия приказал перерезать горло храбрейшим мужам и наилучшим гражданам;

---

¹³ Огромное влияние, которое оказывала Фульвия на Антония, отмечается всеми без исключения исследователями: Balsdon J.P.V.D. *Roman Women: Their History and Habits*. London, 1962. P.49-50, Babcock C.L. *The Early Career of Fulvia...* P.1-2 (с указанием на многих предшественников), Pomeroy S.B. *Goddesses, Whores, Wives and Slaves: Women in Classical Antiquity*. New-York, 1975. P.185-186, Huzar E.G. *Mark Antony: A Biography...* P.70-71, Roberts A. *Marc Antony: his Life and Times...* P.108, 118-121, Welch K.E. *Antony, Fulvia and the Ghost of Clodius...* P.192-194.

¹⁴ Подробнее об отношениях Цицерона и Фульвии см.: Белкин М.В. *Язык Цицерона и шпильки Фульвии...*

как передают, лицо его жены, бывшей здесь же, было забрызгано кровью умирающих» (Cic., Phil., III, 4) или «и там вынудил их перерезать себе горло прямо в присутствии его самого и его жены, которую этот смелый полководец привез с собой в войска» (Cic., Phil., V, 22).

Зимой-весной 44-43 г. тяжело пришлось как Антонию, воевавшему под Мутиной, так и его жене, остававшейся с детьми в Риме. Фульвия использовала любую возможность, любое влияние, чтобы помочь мужу, чтобы не дать объединиться всем силам, враждебным Антонию. Но усилию ее были тщетны – в мае 43 г. Антоний был объявлен врагом отечества, а многочисленные и могущественные враги его «стремились дочиста ограбить жену его Фульвию, а детей были готовы даже убить», – как рассказывает Корнелий Непот (Nep. Att., 9). Только Аттик не поддался общей травле семьи Антония, но, напротив, оказывал всяческое содействие Фульвии и ее детям (Ibid.).

Все переменялось осенью 43 г., когда был образован второй триумvirат и обнародованы проскрипционные списки. Фульвия с присущей ей страстью, энергией и непреклонной жестокостью активно включилась в расправу с врагами. Вот лишь несколько показательных эпизодов, которые сохранила традиция. Когда римские женщины, принуждаемые к уплате трибута, обратились к Фульвии, то были осыпаны оскорблениями и прогнаны ею от дверей дома Антония (App., Bell. civ., IV, 32). Руф, имевший прекрасный дом, сдававшийся в наем, по соседству с Фульвией, раньше не уступал его ей, желавшей купить дом, теперь же принес его ей в дар и все же подвергся проскрипции. Голову его, принесенную Антонию, последний сказав, что она не нужна, отослал жене, которая велела выставить ее, вместо форума, перед наемным домом (Ibid., 29). Но особенно досталось Цицерону. По приказанию Антония отрубленные голова и правая рука великого оратора были доставлены в его дом. Он долго наслаждался видом головы поверженного врага, произносил много горьких упреков, обращаясь к голове, после чего «трофеи» были выставлены на рострах на всеобщее обозрение (App., Bell. civ., IV, 20, Plut., Cic., 48-49, Dio, XLVII, 8). Вместе с тем Дион Кассий добавляет к этому описанию еще одну леденящую душу зарисовку. Фульвия, жена Антония, «прежде чем голову унесли, взяла ее в руки и стала плевать на нее и злобно поносить, после чего положила себе на колени, открыла ей рот,

вытащила язык и пронзила его шпильками, которые использовала для своих волос, сопровождая это действие потоком грубых насмешек».

В 42 г. во время похода триумвиров против Брута и Кассия Фульвия оставалась в Риме и фактически правила Италией. Это правление Г. Ферреро называет даже тиранией Фульвии¹⁵. Когда весной 41 г. Октавиан вернулся в Италию, Фульвия вовсе не намерена была передавать власть триумвиру, напротив, с помощью брата Марка Антония Луция, бывшего в тот год консулом, намеревалась сохранить Италию для мужа. Однако события развивались таким образом, что привели к открытому конфликту между Октавианом, с одной стороны, и Фульвией и Луцием Антонием – с другой, получившим в истории название Перузийской войны.

Подробное описание этой войны оставили Апиан (App., Bell. civ., V, 12-49) и Дион Кассий (Dio., XLVIII, 3-15). Согласно их рассказам события развивались следующим образом.

Весной 41 г. Октавиан вернулся в Италию, чтобы выполнить соглашения, достигнутые триумвирами после победы при Филиппах. Первым делом Октавиан должен был наделить ветеранов Цезаря землей в Италии, конфисковав ее у восемнадцати итальянских городов. Без всякого промедления Октавиан приступил к выполнению этой задачи. Однако его действия вызвали протест со стороны брата Марка Антония, консула 41 г. Луция Антония, который обвинил Октавиана в нарушении его консульских прав. В действительности Луций Антоний и Фульвия опасались, что верность солдат Марка Антония может пошатнуться, если военные колонии ветеранов будут основаны только Октавианом и его людьми, а не представителями Марка Антония.

Луций провел активную агитационную работу, вывел к войскам Фульвию и детей Антония, чтобы убедить их не забывать своего полководца, под предводительством которого они служили и которому были обязаны победой при Филиппах. Октавиан показал Луцию и Фульвии текст соглашения, заключенного при Филиппах, но те настаивали на своих требованиях. Тогда Октавиан уступил, благоразумно уклонившись от конфликта, так как не был

---

¹⁵ Ферреро Г. Величие и падение Рима. Кн. II, том III. СПб., 1998. С.149.

уверен, что за происками Фульвии и Луция не стоит сам Марк Антоний. Друзья Антония вошли в комиссии по конфискации земли и выводу колоний ветеранов.

Вскоре возникло новое, куда более сложное затруднение для Октавиана. Выведение колоний сопровождалось насилием, грабежом и убийствами. По всей Италии поднималась волна возмущений, толпы униженных и обездоленных италиков покидали родные места и либо собирались в Риме в поисках справедливости, либо уходили к Сексту Помпею. Неожиданно для многих собственники, лишившиеся своего имущества, нашли поддержку у Луция Антония, который стал во всем обвинять Октавиана, утверждая, что нет никакой необходимости прибегать к экспроприации для наделения землей ветеранов. Речи и намерения Луция Антония вызвали неудовольствие у ветеранов и на первых порах у Фульвии, которая «говорила, что Луций не вовремя затевает распрю» (App., *Bell. civ.*, V, 19). Однако очень быстро Фульвия меняет свое мнение и начинает «подстрекать Луция к ссоре» (Ibid.). После этого Аппиан и Дион Кассий сообщают о целой серии странных недоразумений, приведших в итоге осенью 41 г. к военному противостоянию. Сначала Луций Антоний принял конницу Октавиана, посланную против отрядов Секста Помпея, опустошавшего побережье Италии, за войска, направленные против него. Затем Фульвия уехала в Пренесте, утверждая, что жизни ее детей угрожает Лепид. Многочисленные попытки начальников войск, знатных граждан Рима и муниципий примирить Луция и Октавиана закончились ничем. Обе стороны стали готовиться к военным действиям, производя новые наборы и стягивая верные им войска.

В начале осени Луций с набранной им армией двинулся маршем на Рим и, не встретив сопротивления, взял город. Придя на Форум, он произнес пламенную речь, в которой провозгласил себя защитником республиканских традиций и врагом триумvirата. Он объявил, что его брат готов в любую минуту сложить с себя полномочия триумвира, а единственным врагом Республики является Октавиан. Однако, получив известие о приближении Октавиана, Луций покинул Рим и пошел на север, в Перузию. Вскоре Октавиан окружил Перузию и осаждал ее всю зиму 41–40 гг.

Фульвия осталась в Пренесте, откуда непрерывно отправляла письма полководцам Антония Вентидию Бассу, Азинию Поллио-

ну, Фуфию Калену, находившимся с войсками в Галлии, торопя их прийти на помощь осажденному Луцию Антонию. Сама Фульвия собрала еще одну армию и направила ее под предводительством Планка к Перузии (App., Bell. civ., V, 33, Dio., XLVIII, 14). Но все было тщетно: Италия восстание Луция не поддержала, а полководцы Антония действовали крайне нерешительно – они приблизились к Перузии, но не делали никаких попыток для освобождения Луция.

Вскоре положение осажденных стало критическим, и в конце февраля или в начале марта 40 г. Перузия сдалась. Так война, неожиданно начавшаяся и грозившая перерасти в новое кровопролитное противостояние, еще более неожиданно завершилась полной победой Октавиана.

Победитель сполна воспользовался своим успехом: Луций был прощен и отправлен управлять Испанией, где он вскоре и умер, Фульвия с детьми бежала в Грецию, значительная часть легионов Антония в Италии и Галлии перешла на сторону Октавиана (App., Bell. civ., V, 50-51)

Мнение исследователей об этой войне единодушно – полную правду о Перузийской войне мы никогда не узнаем¹⁶. Невозможно установить, в какой мере Марк Антоний ответственен за события в Италии. Защищал ли Луций интересы брата или же он действовал на собственный страх и риск, исходя из собственных планов?

Перузийская война – последняя яркая страница жизни Фульвии. Вновь мы встречаемся с ситуацией, когда имеющаяся в нашем распоряжении информация о роли Фульвии в этих событиях искажена враждебной ей традицией. Аппиан и Дион Кассий, несомненно, черпали свои сведения напрямую или, скорее, через вторые руки из «Мемуаров» Августа, нарисовавшего крайне непривлекательный образ жены Марка Антония¹⁷.

---

¹⁶ См., например: Syme R. Roman Revolution. Oxford, 1939. P. 208, Ферре-ро Г. Величие и падение Рима... С. 162. Причем всей правды об этой войне не знали уже древние писатели, сохранившие рассказ о Перузийской войне. Так Аппиан (Bell. civ., V, 21) сообщает, что Фульвия и Луций извещали Марка Антония о событиях в Италии, оправляли к нему с письмами друзей. «Что в точности было написано Антонием в ответ, я не мог установить, хотя и старался это выяснить», – с сожалением подчеркивает историк.

¹⁷ Delia D. Fulvia Reconsidered... P. 205-207 (с обширной библиографией о «Мемуарах» Августа и их влиянии на последующую историческую традицию в Риме)

Дион Кассий создает колоритный образ властной женщины, под влияние которой попали и Лепид и Луций Антоний. Он изображает Фульвию дикой фурией, везде разжигающей распри и раздоры (Dio, XLVIII, 4-5). Иногда его портрет напоминает карикатуру, особенно рассказ о поведении Фульвии в Пренесте (Ibid., 10), о чем будет сказано ниже.

Описание Аппиана более сдержанное, в нем меньше красок, но больше фактов. Однако и он (Bell. civ., V, 19), и Дион Кассий (особенно XLVIII, 28, 3), и Плутарх (Ant., 28) – все называют только один мотив действий Фульвии в тот год – желание вернуть Марка Антония в Италию, вырвав его из объятий Клеопатры¹⁸.

Главной виновницей войны Фульвию сделала пропаганда Октавиана. Нам прекрасно известно, какое большое значение Октавиан всегда придавал идеологической подготовке войны, как умело манипулировал общественным мнением¹⁹. Летом 41 г. он в очередной раз оказался в крайне затруднительном положении: Луций Антоний встал на сторону ограбленных жителей муниципий. Авторитет Октавиана среди ветеранов неизмеримо уступал авторитету Марка Антония, особенно после Филипп. Фульвия делала все возможное, чтобы сохранить и приумножить бла-

---

¹⁸ Современные исследователи и в работах, посвященных падению Римской республики и рождению Империи, и в биографиях Марка Антония и Октавиана Августа следует в русле, проложенном античной традицией, не подвергая сомнению картину, нарисованную древними авторами. О Перузийской войне и роле в ней Фульвии см. например: Gabba E. *The Perusine War and Triumviral Italy* // HSCIPh, 75, 1971. P. 139-160, Huzar E.G. *Mark Antony: A Biography...* P.131-134, Roberts A. *Marc Antony: his Life and Times...* P.188-196, Roddaz J.-M. *Lucius Antonius* // *Historia*, 37, 1988. P.317-346, в отечественной историографии: Машкин Н.А. *Принципат Августа. Происхождение и социальная сущность*. М.-Л., 1949, Парфенов В.Н. *Рим от Цезаря до Августа. Очерки социально-политической истории*. Саратов, 1987, Межеричкий Я.Ю. «Республиканская монархия»: метаморфоза идеологии и политики императора Августа. Калуга, 1994. Единственной известной нам попыткой критически отнестись к сведениям Аппиана и Диона Кассия и переосмыслить роль Фульвии в событиях 41-40 гг. является работа Д.Делии (Delia D. *Fulvia Reconsidered...*)

¹⁹ Geiger J. *An Overlooked Item of the War of Propaganda between Octavian and Antony* // *Historia*, 29, 1980. P. 102-119.

горасположение солдат к своему мужу, поэтому Октавиан избирает ее главной мишенью своих нападок. Ему было очень важно показать, что Фульвия действует не по распоряжению Антония и не в его интересах, а исходя из собственного женского эгоизма и во вред мужу. К этому добавлялись личные мотивы: неприязнь между зятем и тещей, желание Октавиана найти оправдание разрыву с Клодией²⁰, навязанной ему соглашением триумвиров в 43 г. (Suet., Aug., 62, Plut., Ant., 20, Dio, XLVI, 56). В середине 41 г. Октавиан отослал Клодию к матери, заявив, что возвращает ее девушкой (Suet., Ibid.). Поступок, оскорбительный и для Клодии и для ее матери, способствовал усилению неприязни между Фульвией и Октавианом. Вот тогда-то и рождается знаменитый пасквиль будущего Августа, насколько хитроумный, настолько же грубый и неприличный, что возможен только его сглаженный перевод:

То, что с Глафирию спал Антоний, то ставит в вину мне
 Фульвия, мне говоря, чтобы я с ней переспал.
 С Фульвией мне переспать? Ну а ежели Маний попросит,
 Чтобы поспал я и с ним? Нет, не такой я дурак!
 «Спи или бейся со мной!» – говорит она. Да неужели
 Жизнь мне дороже всего? Ну-ка, трубите поход!
 (Quod futuit Glaphyram Antonius, hanc mihi poenam
 Fulvia constituit, se quoque uti futuam.
 Fulviam ego ut futuam? Quid si me Manius oret
 Pedicem, faciam? Non puto, si sapiam.
 “Aut futue, aut pugnemus” ait. Quid, quod mihi vita
 Carior est ipsa mentula? Signa canant!)

(Марциал, XI, 20, 3-8, пер. Ф.А. Петровского)

В отличие от Марциала для нас не имеет особого значения, написаны эти строчки самим Октавианом или кем-то по его заданию. Цель их очевидна – представить войну сплошным недоразумением, причиной которого является сексуальная неудовлетворенность жены Марка Антония. Эта тема муссировалась и развивалась пропагандой Октавиана, и надо заметить, имела успех, что доказывается сохранившимися надписями на свинцовых ядрах для пращи, найденных в Перузии. Во время долгой осады ле-

²⁰ Клодия – дочь Фульвии и Публия Клодия. В 43 г. ей едва исполнилось 12 лет (Suet., Aug., 62)

гионеры выцарапывали на ядрах всякие непристойности и отправляли к неприятелю. Сохранность таких надписей очень плохая, но имя Фульвии там встречается чаще любого другого имени, и это при том, что Фульвии в Перузии не было. Смысл двух надписей с именем Фульвии не ясен (CIL, XI, 6721, 2-4), а две другие развивают сексуальную тему: *peto [la]ndicam Fulviae* (Ibid., 5) и *L.A(ntoni) calve, Fulvia, culum pan(dito)* (Ibid., 14). Если попытаться сгладить перевод, то он будет выглядеть так: «Ищу интимные места Фульвии».

Другим направлением пропаганды Октавиана было старание показать, что бешенство и безумие Фульвии дошло до такой степени, что она готова заменить мужа и сама повести армию в поход. Для этой цели было использовано пребывание Фульвии с детьми Марка Антония в Пренесте (App., Bell. civ., V, 21, Dio, XLVIII, 10). Скорее всего там Луций Антоний воспользовался уже не раз опробованной практикой (App., Ibid., 14) – вывел перед солдатами жену и детей их полководца, показал в каком бедственном положении они находятся из-за коварства Октавиана, что вынуждены бежать под их защиту. Но в Риме стал распространяться слух, что в Пренесте Фульвия опоясалась мечом, сама назначала пароль солдатам и даже выступала перед войсками с речью (Dio, Ibid.). Если обычная ситуация укрепляла позиции Марка Антония в войсках, то видоизмененная она в глазах легионеров дискредитировала как Фульвию, так и Антония. «Как-кая-то бабенка собирается нами командовать, возомнила себя Цезарем, а Антоний в доме порядок не может навести, бабу совсем распустил», – приблизительно так могли рассуждать солдаты, когда до них доходили слухи о якобы произошедшем в Пренесте. Несомненно, Октавиан сделал все возможное, чтобы и слухи о поведении Фульвии и пасквили на нее быстро распространились по всей Италии и за ее пределы и дошли до войск Антония. Мы абсолютно уверены, что идеологическая кампания по дискредитации Фульвии сыграла свою роль в победе Октавиана. Она добавила нерешительности полководцам и войскам Антония, еще больше затруднила объединение всех антиоктавиановских сил и сделала положение Луция в Перузии безвыходным. Более того она скомпрометировала Фульвию в глазах Антония, спровоцировала конфликт между ними (App., Bell. civ., 52) и, возможно, ускорила смерть Фульвии (App., Bell. civ., 59, Dio, XLVIII, 28, Plut., Ant., 30).

Поступки Фульвии определялись двумя взаимосвязанными причинами: во-первых, желанием сохранить и укрепить власть мужа в Римской республике, во-вторых, проявлением ее материнских чувств²¹. Единственным достойным противником своему мужу она считала Октавиана. Как только она поняла, сколько дивидендов может принести будущему Августу наделение ветеранов землей в Италии, она добилась того, чтобы это наделение было связано и с именем Антония. Но когда Луций начал затевать распрю, она выступила против, не потому, что считала ее несвоевременной, как пишет Аппиан (*Bell. civ.*, V, 19), а потому, что политика Луция шла вразрез с интересами ветеранов и легионов, единственной реальной опоры Марка Антония²². Вскоре она резко изменила свое решение и встала на путь конфронтации. Действительно, сделала она это для того чтобы вернуть Антония в Италию, но не из «чисто женских побуждений» (*App.*, *Ibid.*) и не потому, что хотела вырвать мужа из сетей Клеопатры. Этих сетей летом 41 г. не было и в помине, более того в Риме узнали о романе Антония и Клеопатры, вспыхнувшего зимой 41-40 гг., не раньше весны 40 г., т.е. после завершения всех описываемых событий. Вот почему в пропаганде Октавиана нет ни слова о Клеопатре, правда, есть Глафира. Но сколько таких Глафир было у Марка Антония!? Писатели пост-августовской эпохи просто заменили связь Антония с Глафирой на более впечатляющую и скандальную связь с Клеопатрой. Возвращение Антония было необходимо для уничтожения Октавиана. Фульвия увидела, что против Октавиана поднимаются самые разные силы, сочла момент удобным для полного уничтожения врага и стала готовить для несостоявшегося зятя западню.

Вторым побудительным мотивом, как было уже сказано, были материнские чувства Фульвии. Единственным, что ее дети неоспоримо наследовали от Марка Антония, было его имя; Фульвия была обязана защищать репутацию и авторитет этого имени, чтобы сохранить это наследство в неприкосновенности. После того как Антоний, объявленный врагом народа, был вынужден в 43 г. покинуть Италию, его противники не только пытались лишить Фульвию имущества, но и устроили заговор с целью убить ее детей (*Her.*, XV, 9). В 41 г. Фульвия с мате-

²¹ Ср.: Delia D. Fulvia Reconsidered... P. 203-205.

²² Roddaz J.-M. Lucius Antonius... P.332.

рю и детьми предстала перед солдатами и просила их не забывать Марка Антония и того, чем они обязаны ему как победителю в сражении при Филиппах. Позже в том же году Фульвия решила бежать с детьми в Пренесте, и это решение также было вызвано опасениями за их жизнь (App., Bell. civ., V, 14, 21). Продолжительные отсутствия Марка Антония в Риме в период с 44 по 40 г. лишили его семью отца и главы семьи. Как замечает Мэри Лефковиц, «условия военного времени вынуждали женщин идти на крайние меры ради сохранения целостности семьи»²³.

Весной 40 г. Фульвия покинула Италию и уехала в Грецию, навстречу мужу (App., Bell. civ., V, 50). Встреча эта, состоявшаяся летом 40 г., закончилась полным разрывом между мужем и женой (Ibid., 52). Фульвия упрекала Антония в том, что тот не откликнулся на ее зов, упустил хорошую возможность покончить с Октавианом и укрепить свою власть, предлагала Антонию соединиться с Секстом Помпеем, к которому уехала его мать. Антоний отказался. В свою очередь упрекал Фульвию в безрассудстве, в том, что она отдала Италию Октавиану, скомпрометировала его в глазах ветеранов. Антоний уехал, оставив жену в гневе (Ibid., 55). Вскоре после этого она умерла в Сикионе (App., Bell. civ., V, 59, Dio, XLVIII, 28, Plut., Ant., 30). Молва говорила, что умерла она, не перенеся безразличия Антония (App., *ibid.*).

Очерк о Фульвии хотелось завершить точным наблюдением, сделанным Элеонорой Хьюзар в биографии Антония: «Сколько бы плохо ни говорили про Фульвию и ее влиянии на Антония, пока она была его женой, он добился власти почти над всем римским миром, с ее смертью началось падение Антония»²⁴.

M. V. Belkin

Fulvia – Fury of Roman Revolution

The article deals with the personal life and political activity of Fulvia, one of the most outstanding women of the last century of the Roman Republic. Fulvia was first the wife of P. Clodius Pulcher, a tribune of the plebs, and later she was married to M. Antony, the triumvir. Her

²³ Lefkowitz M.R. *Wives and Husbands* // GR, 30, 1983. P. 42.

²⁴ Huzar E.G. *Mark Antony...* P. 71.

influence on her two famous husbands was immense and her activity in the political life of Rome in 50-40 B.C. was remarkable.

